

УДК 321.011.5

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ:
МОНОПОЛИЯ НА ЗАЩИТУ**

З.Т. Мураталиева

С политологической точки зрения рассмотрена проблема национального суверенитета государств. Изложены принципы суверенного равенства государств, а также сущность "гуманитарных интервенций", которые вносят амбивалентность в международное право.

Ключевые слова: суверенитет; гуманитарные интервенции; международное право; права человека.

**HUMAN RIGHTS AND NATIONAL SOVEREIGNTY:
MONOPOLY TO DEFEND**

Z. T. Muratalieva

National sovereignty of states has been considered from political point of view. The principles of sovereign equality of states, as well as the essence of "humanitarian intervention", which make the ambivalence in international law, are described.

Key words: sovereignty; humanitarian intervention; international law; human rights.

Принцип суверенного равенства государств, закрепленный в Уставе ООН, представляет собой фундамент статуса независимого государства как внутри страны, так и на международной арене. Однако, несмотря на то что суверенитет стал неотъемлемой частью политической и международно-правовой реальности, он вызывает множество дискуссий в академических кругах ввиду своей категориальной неопределенности.

Введение понятия "суверенитет" в научный оборот связывают с окончанием Тридцатилетней войны в Европе и заключением Вестфальского мира в 1648 г., положившего начало новой модели системы международных отношений. Основные параметрами этой модели – *светский суверенитет и равновесие сил* между национальными государствами, а впоследствии в них были включены невмешательство извне во внутривнутриполитическую деятельность государства и признание права на независимую внешнюю политику.

И по мере того как идея суверенитета государства распространялась по Европе, выдающиеся политические философы XVI–XVIII вв., задававшие основной мыслительный вектор эпохе Просвещения (Ж. Боден, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо, Дж. Локк), пытались обосновать видение должного политического суверенного порядка и указать на непосредственный источник суверенитета – народ. При

этом различные проекты были сфокусированы на общем круге понятий: концепции естественного права, договорной концепции происхождения политического сообщества в противовес теологическим теориям эпохи Средневековья.

Естественные права человека – на жизнь, свободу, собственность, создание государства на основе консенсуса (договора), которые теоретики Просвещения ставили выше нормативно-правовых актов государства – фактически заменили собой Божественное право, описанное в трудах А. Блаженного, Ф. Аквинского. Они, взамен божественного благословления монарха, стали той юридической и идеологической основой, на которой стало формироваться национальное государство в Европе, независимое от диктата Католической церкви. При этом, сыграв свою роль в легитимации политических режимов стран Европы и США, в настоящее время естественные права, или в современной трактовке – права человека, используются в качестве морального оправдания вмешательства во внутреннюю политику *de jure* суверенных государств. В этом отношении легко прослеживается параллель с крестовыми походами католической церкви XI–XIII вв. против "неверных" с современными "гуманитарными интервенциями" стран Запада.

Феномен "гуманитарных интервенций", призванных насильно сделать людей счастливыми пу-

тем приобщения их к “общечеловеческим”, то есть либеральным (естественным) правам и ценностям, в корне меняет подход к национальному суверенитету. В противовес определению суверенитета в качестве высшей власти, окончательной инстанции, имеющей право принимать все основные решения по вопросам внутренней и внешней политики, которые не могут быть отменены никакой другой властью, существующей за пределами его территории, в 2000 г. Международная комиссия по интервенциям и государственному суверенитету предложила определять суверенитет не как право, а как ответственность. Государство несет ответственность за защиту своего населения, а международное сообщество ответственно за оказание помощи государству в отправлении им соевй главной функции. Если государство не способно обеспечить защиту своих граждан от насилия и несправедливости, международное сообщество имеет моральное право вмешиваться во внутривполитическую жизнь государства различными методами, включая военные операции, возможные в крайних случаях и входящие в компетенцию Совета безопасности ООН [1].

Данные нормативно-правовые сдвиги призваны создать единую юридическую и морально-идеологическую базу набирающим силу процессам глобализации, которые подвергают эрозии роль национального государства в качестве центрального актора международных отношений, обладающего независимостью в осуществлении своего внутривполитического курса. Будучи первоначально обоснованными в качестве фундамента оформления нового типа светского государства, права человека превращаются в главный инструмент его разрушения. В этом отношении необходимо отметить два момента: во-первых, именно развитые страны Запада становятся цитаделью выработки и распространения этих прав, во-вторых, распространение их сопряжено с функционированием устойчивой системы “двойных стандартов”. Учитывая, что именно страны Запада являются финансовыми и экономическими гигантами, действующими исходя из своих национальных интересов, лавируя между либеральными и нелиберальными режимами (недружественный авторитарный Иран и самый верный союзник на Ближнем Востоке – Саудовская Аравия), все морально-гуманитарные призывы к военным действиям являются мантрой, скрывающей их действительные цели: новые рынки, ресурсы, геополитические плацдармы и др.

Таким образом, через распространение прав человека в мировом масштабе отдельные страны реализуют свои национальные интересы. Так, “гуманитарные интервенции” в Косово, Афганистан,

Ирак, Ливию фактически превратили их в сателлитов стран Запада. Их вооруженные силы, силы правопорядка деморализованы: тот политический режим на страже которого они стояли, являясь его опорой и гарантом обеспечения безопасности государства в целом, объявляется антигуманным, нарушающим права человека. В стратегические отрасли экономики, в первую очередь нефтегазовую, проникают иностранные компании. В целом страны с разрушенной экономикой попадают в финансовую зависимость от носителей либеральных ценностей, вынужденные проводить реформы своих политических систем в соответствии с требованиями своих кредиторов.

Между тем сущность “гуманитарных интервенций” противоречива не только с точки зрения синтеза элементов реализма (с акцентом на силе и проблемах безопасности) и идеализма (сфокусированного на вопросах справедливости и моральных основаниях современного мира), но демонстрацией превосходства одних народов над другими, стоящими ниже по уровню развития, не способными самостоятельно усвоить, что является для них благом, какая форма политической организации им необходима [2]. В свою очередь, это противоречит принципу, заложенному практически во всех международных декларациях о равенстве народов мира и их возможности самостоятельно определять пути своего развития. Развенчание мифа о действительных императивах “гуманитарных войн” стало причиной того, что в настоящее время они подспудно с призывами к защите прав человека проводятся под флагом нераспространения оружия массового поражения, борьбы с терроризмом (операции в Афганистане, Ираке, Сирии).

При этом “гуманитарные интервенции” – крайняя мера. Часто реализуются сценарии “цветных революций”, базирующихся на описанном еще классиками либерализма праве народов на свержение своего правительства в случае нарушения им естественных прав человека. С одной стороны, революция, хотя и является крайним случаем трансформации политической системы, она выступает следствием внутренних дисбалансов и дисфункций этой системы. Однако, с другой стороны, агентами “цветных революций” выступают, в первую очередь, финансируемые из-за рубежа НПО, СМИ, что превращает их в насаждаемый извне кодекс поведения, запланированную извне перестройку политической системы. При этом последствия также выражаются в кабальной зависимости от стран Запада.

Наиболее ярко истинные цели “гуманитарной помощи” при отстаивании народами своих естественных прав проявляются в их борьбе за самоопределение. Так, независимость Косово в юри-

дическом отношении признали практически все страны Европы и США, в то же время аналогичные прецеденты Абхазии и Южной Осетии были объявлены ими нарушением международного права на невмешательство во внутренние дела государства (своего союзника Грузии), на сохранение его территориальной целостности. При этом в системе международного права отсутствуют механизмы разрешения таких юридических коллизий. Резолюции же ООН не воспринимаются в качестве императивов к действию, за исключением тех случаев, когда они соответствуют интересам определенных акторов.

На внутривнутриполитическом уровне такая амбивалентность и абсолютизированность прав человека приводит к невозможности провести красную линию между незаконными действиями граждан и реализацией ими своих естественных прав. В этом отношении показателен опыт Кыргызстана, где органы правопорядка превратились в сторонних наблюдателей митинговой активности граждан, оперирующих заученными шаблонными фразами и требованиями (митинги в Жалал-Абадской и Иссык-Кульской областях в мае-июне 2013 г.).

Таким образом, в настоящее время распространение прав человека, являясь трендом мирового политического развития, составляет основу механизмов “мягкой силы” и легитимации “жесткой силы” в реализации странами Запада своих национальных интересов. В этом ракурсе представляется, что монополия на защиту прав человека должна быть прерогативой отдельно взятого государства,

равно как и содержательное наполнение этого понятия ввиду того, что национальные интересы государств различны в силу особенностей политической культуры, географических условий, уровня экономического развития.

Однако в условиях интенсификации процессов глобализации, обуславливающих размывание сущности национального суверенитета и возведение прав человека в ранг наднациональных, общечеловеческих, фактически религиозных ценностей, маловероятно, что такой подход станет базовым в сложившейся системе международных отношений. В этом отношении показательно высказывание одного из самых влиятельных аналитиков в области международных отношений, эксперта по национальной безопасности США Р. Кагана: “Вера в либеральные ценности, которые не могут быть ограничены государственной властью, дает право нравственным людям играть по тем же правилам, что и людям аморальным” [3].

Литература

1. The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>. (5 марта 2013)
2. Соловьев Э.Г. Либерал-интервенционализм в контексте нового миропорядка / Э.Г. Соловьев // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 11. С. 116.
3. Kagan R. Power Play // URL: <http://public.wsj.com>.